

*К 110-летию со дня рождения выдающегося американского писателя,
лауреата Нобелевской премии Джона Стейнбека*

ГЕРОИ И РЕПТИЛИИ

Предисловие к публикации Джона Стейнбека

I

Каждый раз, когда наступает очередная годовщина Великой Победы, наша мазохистская идеологическая индустрия стряпает на государственные деньги какой-нибудь “штрафбат”, или “последний бой майора Пугачёва”, или сериалы о зверствах “Смерша”, о несчастной судьбе маршала Жукова, или кинобылину о мучениях Вольфа Мессинга. Почти во всех этих эпопеях, мелодрамах и сагах советские люди изображены жертвами режима, “совками” и винтиками бесчеловечного тоталитарного механизма. И поневоле закручинишься: пройдёт ещё какое-то время, и когда уйдут из жизни последние ветераны, а за ними свидетели эпохи — “дети войны”, то некому будет ни пристыдить, ни высмеять фальсификаторов истории — всяческих сванидзе, пимановых, пивоваровых... Их усилиями создана такая антирусская атмосфера в нашей публичной исторической науке, что нынешние потомки нацистов, заседающие в европейских законодательных верхах, решились уравнивать советский и нацистский режимы, лукаво забыв о том, что их отцы и деды в составе коричневой общеевропейской орды топтали нашу землю и убивали её сыновей и дочерей.

И тем не менее, всегда и во все времена на Западе жили и мыслили люди таланта и чести, о которых в эти майские победные дни я хочу вспомнить. В первую очередь — это блистательная когорта американских писателей, возмужавших после I мировой войны в эпоху становления Советской России и Великой американской и мировой депрессии. Их имена навечно вписаны в историю западной цивилизации. Осуждение ими хищного и бездушного капитализма, обрушившего мировую жизнь в хаос 30-х годов и в пламя II мировой войны — было близким и понятным читателям Страны Советов. Знаменитые романы — “Американская трагедия” Драйзера, “Гроздь гнева” Стейнбека, “Домой возврата нет” Томаса Вульфа, “Великий Гетсби” Фитцджеральда, “По ком звонит колокол” Хэмингуэя, “Шум и ярость” Фолкнера (трое из великолепной шестёрки — нобелевские лауреаты!) были наполнены социальным пафосом, любовью к маленькому человеку из простонародья, живущему в американской глубинке, неприятием звериных законов рыночной антихристианской конкуренции, насаждаемой протестантским эгоизмом. Их благотворная власть над человеческими душами длилась в американском обществе целое поколение — до 60–70-х годов, до поры, когда новые идеологи американского общества приняли окончательное решение загнать историю в новые кровавые тупики. И недаром у себя на родине в США финансовая и бюрократическая элита, осознавшая опасность, исходившую от великих сыновей Америки, сделала в эпоху Рейгана всё, чтобы на смену реалистам и пророкам пришла массовая культура, пришли голливудские мифы с их “оскарами”, пришли телевизионные шоу и блокбастеры, пришла, по выражению Макклюэна, нечитающая “деревня”, припавшая к голубым экранам. Все идеологические, финансовые и административные рычаги американского истеблишмента стали работать на историческое забвение простых американцев реалистического, трезвого и бесстрашного понимания жизни, которое формировали

произведения их классиков XX века, учившихся понимать душу человеческую у Толстого, Достоевского, Чехова. С итогами этой “дегуманизации” я сам познакомился в 1990 году во время посещения Америки.

Один из этой когорты, Джон Стейнбек, для создания книги о послевоенной жизни в СССР приехал в Москву в 1947 году, через год после Фултонской речи Черчилля, которая стала, по сути, объявлением Советскому Союзу холодной войны. Сразу же после речи Черчилля в Фултоне состоялось совещание промышленных магнатов США, словно бы ждавших своего часа. Они как с цепи сорвались. Вот выдержки из их резолюции: *“Россия – азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в наглости, предательстве и терроризме”*. Чтобы поставить победительницу европейского фашизма на место, это совещание расистов призвало разместить свои атомные бомбы *“во всех регионах мира и безо всяких колебаний сбрасывать их везде, где это целесообразно”*. И это было сказано о союзниках, которые лишь полтора годами раньше спасали англо-американские войска от разгрома в Арденнах, когда тот же Черчилль униженно попросил Сталина организовать “крупное русское наступление на фронте Вислы”, чтобы немцы перебросили часть своих войск из Франции на Восточный фронт. Сталин выполнил просьбу Черчилля и спас союзников от позора и поражения. Стейнбек, наверное, не знал сталинского ответа Черчиллю, опубликованного через неделю после Фултонской речи 14 марта 1946 г. в газете “Правда”.

“По сути господин Черчилль и его друзья в Англии и США предьявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда всё будет в порядке, – в противном случае неизбежна война <...> но нации проливали кровь в течение 5 лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей”.

Стейнбек, зная о крутом повороте англо-американской элиты по отношению к вчерашнему союзнику, тем не менее после двухмесячного пребывания в Советском Союзе, после посещения разорённой Украины и Сталинграда, после поездки в Грузию и пребывания в Москве создал книгу “Русский дневник”, в которой с глубочайшим уважением, пониманием и даже с любовью изобразил советских людей, восхитился их самоотверженностью, выносливостью, верой в будущее своей страны, оценил их гостеприимство, дружелюбие и добросердечие, высокое простодушие и чувство собственного достоинства.

Он ничего не приукрасил в этой книге, но ничего и не очернил. Он был верен своему таланту, своему пониманию высокой миссии честного писателя, своему пристрастию к простонародью, которое вершит историю. Конечно, эта книга была поперёк горла и американскому истеблишменту, и Трумэну, и Черчиллю, но Стейнбек писал её не по социальному заказу, а следуя великому толстовскому завету, который предшествовал одному из рассказов Толстого о севастопольской обороне: *“Герой, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизводить во всей красе его, и который есть и будет прекрасен, – правда”*.

II

Когда я перечитывал “Русский дневник”, то наткнулся в своей библиотеке на книгу с длинным заголовком: “Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне”, изданную к 40-летию нашей победы. Эта книга чрезвычайно помогла мне войти в атмосферу героического и трагического времени, когда складывались непротые отношения Советского Союза (“Советской России”) с миром западных демократий. Англоамериканский Запад вкупе с эмигрантами из оккупированной гитлеровцами Европы с замиранием сердца следил за событиями на Восточном фронте. В течение всей войны каждая наша великая выигранная битва – Московская, Сталинградская, Курская, и победы поменьше – освобождение Минска, Варшавы, Будапешта, Бухареста, Вены – сопровождалось в западной прессе и в телеграммах, летящих в Москву, бурями восторгов, поздравлений, выступлений официальных лиц – в первую очередь Рузвельта, Черчилля, де Голля, Эйзенхауэра и всяческих ВИП-персон:

королей и королев, великих герцогинь и принцев, президентов и премьеров европейских стран, сидевших с конца 30-х годов в лондонской эмиграции и с нетерпением ожидавших, когда же советские войска разгромят этих тевтонских гуннов, чтобы им вернуться в свои столицы, дворцы и на свои троны.

В книге множество отрывков из приветствий и поздравлений Уинстона Черчилля руководству СССР и советскому народу в связи с победами на фронтах, но мы не будем цитировать их, зная, что меньше чем через год после окончательной капитуляции рейха тот же Черчилль объявит нашей стране “холодную войну”. Трудно верить в искренность его красноречивых восторгов. Он скорее поступал как государственный деятель, знающий, что у Великобритании никогда “нет постоянных друзей”, но есть “постоянные интересы”. Искренность Франклина Рузвельта была более естественной и человеческой:

“Я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная Армия берёт свои истоки и от которого она получает своих мужчин, женщин и снабжение.

Русский народ отдаёт все свои силы войне и приносит высшие жертвы”.

“Русские оказались способными отступить, не потерпев крушения, они эвакуировали большую часть своих промышленных предприятий на Восток <...> Мир не видел большей самоотверженности, чем та, которая была проявлена русским народом и его армией под командованием маршала Иосифа Сталина”. (1943 г.)

Но кроме официальных поздравлений книга переполнена изъяслением чувств “всемирного гражданского общества”, если говорить сегодняшним языком. Выдержки из газет, вышедших на всех материках Земли, восторги по поводу побед Красной Армии, которыми восхищались профсоюзы и религиозные землячества, коллективы шахтёров и студентов, политические партии и национальные общины... И всё это изобилие чувств – стихийное и отнюдь не организованное никакими спецслужбами, никакими просоветскими элементами... Не до того было...

В отличие от политиков черчиллевского склада, творческая и научная интеллигенция всех крупнейших стран мира, в первую очередь англоамериканских и европейских, затаив дыхание, ждала нашей победы. Вместе с Джоном Стейнбеком этой верой жили все известные писатели Америки и Европы. Эптон Синклер и Шон О’Кейси, Томас Манн и Бернард Шоу, Лион Фейхтвангер и Жан-Ришар Блок оставили в этой уникальной книге слова благодарности русскому народу, его армии, советскому правительству и лично маршалу Иосифу Сталину. В те роковые времена им было ясно, что кремлёвская власть и каждый советский человек живут одной волей и одной верой в победу.

Теодор Драйзер:

“С 1917 года я следил за социальным строительством России и всегда был убеждён в том, что, как говорит Макарур, “надежды цивилизации в настоящее время покоятся на достойных знамёнах мужественной Красной Армии”, а также на разуме, природной гуманности и социальном благородстве русского народа”.
(“Правда”, 1942 г. 23.06.)

Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон:

“Судьбы человечества поставлены на карту в этой великой битве. На одной стороне свет и прогресс, на другой – мрак, реакция, рабство и смерть. Россия, отстаивая свою социалистическую свободу, борется в то же время за нашу свободу. Защищая Москву, они защищают Лондон”.
(“Советская мощь”, Лондон. 1943 г.)

Испанский писатель Х. Бергамин:

“Ваша война много грандиозней и страшней, чем та, которую мы вели в Испании. Но зато среди вас нет изменников, как это было у нас, которые предали бы родину врагу”.

(Из письма, адресованного А. Толстому, М. Шолохову, И. Эренбургу. Июль 1941 г.)

Американский писатель Эрнст Колдуэлл:

“Русские не рассчитывали, чтобы кто-то за них воевал. Они сами с полной силой сражались за победу. Они вели эту тяжёлую борьбу, не ожидая какой-либо помощи от Англии и Америки. А то количество материалов, которое посылали Англия и Америка, были что капля в море для фронта протяжением в 1500 миль”.

(“Напролом по дороге к Смоленску”, 1941–42 гг.)

Американский учёный У. Кеннан:

“Стоит припомнить, что во время войны в Испании Россия была единственной европейской державой, выполнившей международный договор о помощи законному демократическому правительству, в отличие от Франции, Англии и Соединённых Штатов, отказавших ему в поддержке” (май 1942).

Посол США в СССР в 1936–1938 гг. Дж. Дэвис:

“Я полагаю, что честные люди мира не могут испытывать ничего другого, кроме благодарности, к Советскому Союзу и советским людям, которые умирают, чтобы предотвратить в мире инквизицию носителей “мирового порядка” (1942 г.).

Лауреат Нобелевской премии учёный-физик А. Хилл (Англия):

“Стойкость и мужество народов Советского Союза, действенность, с которыми они мобилизовали все свои ресурсы для того, чтобы отразить Германское нападение, явились убедительным доказательством советской системы и ценности того, что может быть достигнуто в сравнительно короткое время с помощью энергичного и мудрого государственного планирования” (1942 г.)

Американский писатель Эрнст Хэмингуэй:

“Вы спасли мир от вероломства в 1942 году, оказываете сопротивление одни, почти без помощи”.

(Из приветствия советскому народу по случаю Нового 1943 года.)

Немецкий писатель антифашист Томас Манн:

“Победоносная защита Сталинграда является одним из подвигов, о которых история всегда будет рассказывать с величайшим благоговением” (январь 1943 г.).

А как убедительно, честно и благородно восхищались Советским Союзом и его вождями, Красной армией и её полководцами и русским народом лучшие сыны мирового еврейства той эпохи!

“Каждая победа, каждый великий подвиг Красной Армии не только разрушает часть военной машины варваров, но сокрушает чудовищную крепость предрассудков, которую создаёт против Советского Союза злоба и зависть во всём мире”.

(Л. Фейхтвангер, 1942 г.)

“Слушайте, парижане! Первых трёх дивизий, которые вторглись в Париж в июне 1940 года, больше не существует! Они уничтожены под Сталинградом: русские отомстили за Париж! Русские отомстят за Францию!”

(Из обращения писателя Жана-Ришара Блока к французскому народу о победе советских войск под Сталинградом 1943 г.)

“С величайшим восхищением и уважением я шлю искренние поздравления к XXV годовщине Красной Армии и Флота, которые столь мужественно защитили удивительные достижения советской цивилизации и уничтожили смертельную угрозу будущему развитию человеческого прогресса”.

(А. Эйнштейн, февраль 1942 г.)

“Я не знаю, что такое коммунизм, но если он создаёт людей, подобных тем, что сражаются на русском фронте, мы должны уважать его. Настало время отбросить всякую клевету, потому что они отдают свою жизнь и кровь за то, чтобы мы могли жить. Нам следовало бы отдать не только наши деньги, но и всю духовную способность к дружбе, которой мы обладаем, чтобы помочь им <...> Россия, ты завоевала восхищение всего мира. Русские, будущее – ваше”.

(Чарли Чаплин, 1943 г.)

Как злободневно звучат слова великого сына Америки Чарли Чаплина, имя которого занимает почётное место в книге “Знаменитые евреи” (М., 1997 г.), о том, что “настало время отбросить всякую клевету” о Советском Союзе, о Великой Отечественной войне, о нашем героическом народе!

Но ведь клеветают же российские соплеменники великого артиста, да так бесстыдно, что его кости, наверное, в гробу переворачиваются. Вспомним хотя бы телепередачу М. Швыдкого, названную “**Русский фашизм страшнее немецкого?**”; вспомним А. Гербер, разглагольствовавшую на радио “Свобода” о том, что советским евреям было “**плохо жить в фашистской стране**”, “**им здесь жить не давали**”, что у нас “**в стране был фашизм**”; вспомним не-

кого правозащитника Подрабиника, утверждавшего, что настоящие герои войны — это “оуновцы”, “бандеровцы”, “лесные прибалтийские братья”; вспомним Новодворскую — “**9 мая — история дедов и отцов, чужая история**”...

Но даже эти всплески патологической ненависти к своей отчизне кажутся цветочками по сравнению с фонтаном сатанинской русофобии, который выплеснулся в стихотворении И. Ратушинской, опубликованном в русскоязычной газете “Форум” (2.3.2011 г.), издающейся в Нью-Йорке.

У, РОДИНА!

*Историческая уродина,
Заскорузлая да посконная,
Кисло-горькая ты смородина,
От которой вся жизнь — оскомины!
Мутно-грязная, душно-зяблая,
Безнадёжная, бездорожная,
Расползалась квашнёю дряблою,
Отравляла гордыней ложною.*

*На свободных всегда озлоблена,
Язвы выпячены, не лечены...
Сколько жизней тобой угроблено!
Сколько душ тобой искалечено!
Родовое моё проклятие,
Не дождёшься за эти шалости
Ты не то что любви-симпатии,
А и самой брезгливой жалости.*

*Что любить здесь? На что надеяться?
Тошнотворная да кровавая,
Ты не мать и не красна девица,
Ты — чудовище многоглавое.
Сверху головы нагло скалятся,
Снизу — рабски привыкли кланяться,
Верх — срубить бы да не печалиться,
Но ведь низ — всё равно останется!*

*Не изменится, не исправится,
Новый верх из него проклянется,
И вчерашнему быдлу здравица
Умилённой слюною сплюнется.
Вновь, пустыми глазами лупая,
Зверь спасителем пообедает...
Нет, спасти тебя — дело глупое,
От тебя спасти — вот что следует!
Все последние шансы — пройдены.
Хватит этой больной романтики...
Я смываю ошмётки родины
В бирюзовой воде Атлантики.*

В этом стихотворении проклинается не режим, не власть, не Кремль, не конституция, не Сталин и не Путин, а наше всё, вся история России и весь её народ — “историческая уродина”, “чудовище многоглавое” и “быдло”, причём проклинается от имени всех соплеменников автора — “родовое моё проклятие”...

Особенно невыносима для нашей фурии способность народа возрождаться после поражений и катастроф:

*Верх — срубить бы да не печалиться,
Но ведь низ — всё равно останется!
Не изменится, не исправится,*

*Новый верх из него проклянется,
И вчерашнему быдлу здравица
Умилённой слюною сплюнется.*

Какое отчаяние! “Верх” – то есть русскую национальную власть – в революционные времена “срубили”, но народ (“низ”) всё равно возродил её в сталинскую эпоху во время “большого террора” и Великой Отечественной войны. Об этой способности русского народа “выращивать голову” проницательно писал в 1929 году Василий Витальевич Шувльгин в книге “Что нам в них не нравится?": “Народы – это такой вид жизни, что у них головы отрастают. И отрубленная у русского народа голова вырастет”. “Как же тут не впасть в истерику... Больше того, в душе русскоязычной рифмоплётки живёт страх, что и в наше время может случиться нечто подобное, что из народного низа “проклянется” “новый верх”. А строчка “и вчерашнему быдлу здравица умилённой слюною сплюнется” – конечно же, судорожный плевок в далёкую историю, в 1945 год, в день, когда Иосиф Сталин произнёс “здравицу” в честь русского народа и поблагодарил его за мужество, ясный ум, стойкий характер и терпение.

Я не буду говорить о тотальном косноязычии этого “романтического” текста, потому что он подлежит внимательному разбору не литературоведа, а опытного психиатра. Добавлю лишь то, что особи, питающие себя столь изощрённой ненавистью, подрывают не только собственное здоровье, но опасны и для государства, и даже для гражданского общества. Ратушинская имеет двойное американско-российское гражданство. Может быть, посчитать это стихотворенье ходатайством об освобождении “дочки” от тяжких уз гражданства российского? Тем более что “ошмётки родины” она уже “смыла” “в бирюзовой воде Атлантики”. Удачный образ, если вспомнить, что кожу меняют змеи.

Но что делать – насильно мил не будешь. Надо пойти ей навстречу, освободить измученную рептилию от постылого гражданства, а “родину-уродину” за все её безобразия лишить прав материнства по отношению к “романтическому” существу. И никаких статей вроде пресловутой 282-й “за разжигание межнациональной розни” к ней не применять, а просто выблывать её в Атлантику возле американского берега, пускай там отмывается... Правда, Америку жаль. Жаль, что вместо её родных и приёмных сыновей, любивших “уродину Россию”, – Теодора Драйзера и Томаса Манна, Эрнеста Хэмингуэя и Альберта Эйнштейна, Чарли Чаплина и Сергея Рахманинова, на её берега из Атлантики выползают вот такие шипящие земноводные.

Впрочем, пора плюнуть на них “умилённой слюною” и прочесть избранные страницы из “Русского дневника”, написанного рукой настоящего, коренного сына Америки Джона Стейнбека.

Станислав КУНЯЕВ

ДЖОН СТЕЙНБЕК

РУССКИЙ ДНЕВНИК

I. МОСКВА

* * *

Я был здесь всего несколько дней в 1936 году, и перемены с тех пор произошли огромные. Во-первых, город стал гораздо чище, чем тогда. Многие улицы были вымыты и вымощены. За эти одиннадцать лет грандиозно вырос-

ло строительство. Сотни высоких новых жилых домов и новые мосты через Москву-реку, улицы расширяются, статуи на каждом шагу. Исчезли целые районы узких и грязных улочек старой Москвы, и на их месте выросли новые жилые кварталы и новые учреждения.

Повсюду заметны следы бомбёжки, но разрушения незначительные. По-видимому, немецким самолётам не очень удавалось прорываться к Москве. Некоторые корреспонденты, которые работали здесь во время войны, рассказывали нам, что противовоздушная оборона была настолько эффективной, а истребители так многочисленны, что после нескольких воздушных боёв немцы, понеся большие потери, практически оставили попытки воздушных налётов на Москву. Но несколько бомб всё же было сброшено: одна попала в Кремль, несколько других – на окраины. К этому времени “люфтваффе” изрядно потрепали над Лондоном, и немцы уже не хотели жертвовать большим количеством самолётов, чтобы бомбить хорошо защищённый город.

Мы заметили также, что город приводят в порядок. Все дома стояли в лесах. Их заново красили, кое-где ремонтировали, ведь через несколько недель город справлял своё 800-летие, которое собирались празднично и торжественно отметить. А через несколько месяцев после этого наступала 30-я годовщина Октябрьской революции.

Электрики развешивали гирлянды лампочек на зданиях, на Кремле, на мостах. Работа не останавливалась вечером, она продолжалась ночью при свете прожекторов; город прихорашивался, приводился в порядок: ведь это будет первый послевоенный юбилей за многие годы.

Но, несмотря на предпраздничную суматоху, люди на улицах выглядели усталыми. Женщины очень мало или совсем не пользовались косметикой, одежда была хоть и опрятной, но не очень нарядной. Большинство мужчин носили военную форму, хотя они уже не служили в армии. Их демобилизовали, и форма была единственной одеждой, которую они имели. Форма была без знаков различия и погон.

* * *

Нам кажется, что одним из самых глубоких различий между русскими и американцами является отношение к своим правительствам. Русских учат, воспитывают и поощряют в том, чтобы они верили, что их правительство хорошее, что оно во всём безупречно, что их обязанность – помогать ему двигаться вперёд и поддерживать во всех отношениях. С другой стороны, американцы и англичане остро чувствуют, что любое правительство в какой-то мере опасно, что правительство должно играть в обществе как можно меньшую роль и что любое усиление власти правительства – плохо, что за существующим правительством надо постоянно следить, следить и критиковать, чтобы оно всегда было деятельным и решительным. Позже, когда мы сидели за столом с крестьянами, они спросили нас, как действует правительство, и мы постарались объяснить, что мы очень боимся, если власть будет сосредоточена в руках одного человека или одной группы людей, что наше правительство живёт компромиссами, предназначенными для того, чтобы власть не перешла в руки одного человека. Мы старались объяснить, что люди, стоящие во главе нашего правительства, и те, кто в это правительство входит, так боятся чьей-то власти, что охотнее скинут хорошего лидера, чем допустят прецедент единовластия.

* * *

На следующий день мы поехали на воздушный парад. Хотя это не считалось военным торжеством, всё-таки проводили его Советские Военно-Воздушные Силы. В Советской Армии у каждого рода войск свой праздник. Есть День танкиста, День пехоты, День военно-морского флота и День авиации...

Наши места находились на трибуне, и это, конечно, было ошибкой. Нам надо было быть на зелёном поле, откуда буквально миллионы людей наблюдали за воздушным парадом. День был жаркий, а от солнца некуда было укрыться. На ровном зелёном поле стояли палатки, в которых продавали прох-

ладительные напитки и пирожки. Когда мы заняли свои места, вдруг послышался гул, который перерос в настоящий рёв: все, кто стоял на поле, приветствовали Сталина, который только что приехал. Нам не было его видно, потому что мы сидели на другой стороне трибуны. Его появление было встречено не приветствиями, а гулом, как в гигантском улье.

Праздник начался почти мгновенно. Его начали гражданские лётчики – с заводов, из авиаклубов, женских организаций. Самолёты летели звеньями, сложными звеньями и делали это прекрасно. Самолёты следовали цепочкой за ведущим, делали “мёртвые петли”, повороты, пикировали один за другим.

Потом появились военные самолёты, летящие в спарке, тройками, пятёрками, семёрками, крыло к крылу, как одна большая машина. Это был превосходный полёт, но не то, ради чего пришли люди. Они пришли, чтобы увидеть новые типы самолётов, реактивные машины. Наконец они появились. Некоторые из них взлетали почти перпендикулярно, на огромной скорости, оставляя за собой на небе белые следы. И вот наконец показались реактивные самолёты. Не знаю зачем, может, из-за иностранных обозревателей, самолёты пронесли на высоте трёхсот футов над землёй, и к тому времени, как мы услышали звук, сами самолёты уже исчезли из поля зрения. Показали три или четыре новые модели самолётов. У нас не сложилось ни малейшего представления, чем они отличаются от других реактивных самолётов, нам они показались очень быстрыми. За весь парад пролетело всего два больших самолёта, скорее всего это были бомбардировщики.

Затем нам показали воздушный бой. Появились самолёты “противника”, навстречу поднялись самолёты-защитники, а с земли, откуда-то издалека, доносился рёв и были видны вспышки батарей ПВО, и всё поле вздрагивало от раскатов. Это было очень зрелищно, время от времени какой-нибудь самолёт выпускал облако чёрного дыма и огня, штопором летел к земле, и за холмом вспыхивало пламя кальция, создающее иллюзию взрыва. Это было по-настоящему захватывающее зрелище.

Конец праздника был очень эффектным. К полю подлетела большая группа транспортных самолётов, и один за другим над полем стали появляться парашютисты. В воздухе находилось по меньшей мере около пятисот человек с красными, зелёными и синими парашютами. Солнце делало их похожими на небесные цветы. Они летели к полю и прямо перед тем, как приземлиться, выпускали ещё один парашют, поэтому никто не падал и не спотыкался, все приземлялись на обе ноги.

К этому празднику готовились, наверное, много недель, время было рассчитано очень точно, никаких задержек. Одно действие следовало сразу же за другим. Когда всё кончилось, толпа опять загудела и сотни тысяч людей захопала. Уезжал Сталин, а мы его так и не увидели.

* * *

Продовольственные магазины в Москве очень большие; как и рестораны, они делятся на два вида: те, в которых продукты можно приобрести по карточкам, и коммерческие магазины, также управляемые государством, где можно купить практически любую еду, но по очень высоким ценам. Консервы сложены горами, шампанское и грузинские вина стоят пирамидами. Мы видели продукты, которые могли бы быть и американскими. Здесь были банки с крабами, на которых стояли японские торговые марки. Были немецкие продукты. И здесь же лежали роскошные продукты Советского Союза: большие банки с икрой, горы колбас с Украины, сыры. Рыба и даже дичь – дикие утки, вальдшнепы, дрофы, кролики, зайцы, маленькие птички и белая птица, похожая на белую куропатку. И различные копчёности.

Но всё это были деликатесы, Для простого русского главным было, сколько стоит хлеб и сколько его дают, а также цены на капусту и картошку. В хороший год, в такой, как мы попали, цены на хлеб, капусту и картофель упали, а это показатель успехов или хорошего урожая.

На витринах продовольственных коммерческих магазинов и тех, в которых действуют карточки, выставлены муляжи того, что можно купить внутри. На витринах лежит ветчина из воска, бекон и колбаса, восковые куски говядины и даже восковые банки с икрой.

Мы прошли в соседний универсальный магазин, где продаётся одежда, обувь, чулки, костюмы и платья. Качество и пошив одежды оставляли желать лучшего. В Советском Союзе существует принцип производить товары первой необходимости, пока они нужны, и не выпускать предметы роскоши, пока товары первой необходимости пользуются спросом. Здесь были набивные платья, шерстяные костюмы, а цены показались нам слишком высокими. Но не хотелось бы обобщать: даже за то короткое время, что мы были в Советском Союзе, **цены снизились, а качество вроде стало лучше**. Нам показалось, что то, что верно сегодня, назавтра может оказаться неверным.

Мы ходили в комиссионные магазины, где продаются подержанные товары. Это специализированные магазины. В одних продаются фарфор и люстры, в других – ювелирные изделия, в основном старинные вещи, поскольку в настоящее время выпускается очень немного ювелирных украшений: гранаты и изумруды, серьги, кольца и браслеты. Есть ещё магазин, который торгует фотооборудованием и камерами, в основном немецкими камерами, которые привезли с войны. В четвёртом продают ношенные вещи и обувь. Есть магазины, где можно купить полудрагоценные камни с Урала – бериллы, топазы, аквамарины.

II. УКРАИНА

* * *

Наверное, когда-то город был очень красив. Он намного старше Москвы. Это – мать русских городов. Расположенный на холме у Днепра, Киев прославлен вниз, в долину. Некоторые из его монастырей, крепостей и церквей построены в XI веке. Некогда это было любимое место отдыха царей, и здесь находились их летние дворцы. Его общественные здания были известны по всей России. Киев был центром религии. А сейчас Киев почти весь в руинах. Здесь немцы показали, на что они способны. Все учреждения, все библиотеки, все театры, даже цирк – всё разрушено, и не орудийным огнём, не в сражении, а огнём и взрывчаткой. Университет сожжён и разрушен, школы в руинах. Это было не сражение, а безумное уничтожение всех культурных заведений города и почти всех красивых зданий, которые были построены за последнюю тысячу лет. Здесь хорошо поработала немецкая “культура”. Одна из маленьких побед справедливости заключается в том, что немецкие военнопленные помогают расчищать эти руины.

* * *

В гостинице “Интурист” украинские хозяева устроили нам превосходный обед. На обед подали спелые помидоры и огурцы, мелкую солёную рыбёшку, чёрную икру и водку. Мы ели жареную днепровскую рыбу и прекрасно приготовленные бифштексы с украинской зеленью. Мы пили грузинское вино, а украинские колбасы были великолепны.

Эти люди были настроены весьма дружелюбно. За обедом они, веселясь, рассказали нам об американце, который приехал в Киев в составе делегации какого-то международного комитета. По приезде в Америку этот человек написал серию статей и книгу об Украине. А развеселило их то, что этот американец мало что узнал об Украине. Они рассказали, что он очень редко выходил из своего номера, ничего не видел и с таким же успехом мог написать свою книгу, не покидая Америки. Эти украинцы утверждали, что в книге много неточностей и что его начальник прислал письмо, в котором это признал. Но больше всего их беспокоило то, что этому человеку, которого теперь считают специалистом по Украине, поверят в Америке. Они рассказали со смехом, как однажды вечером с улицы у гостиницы, где американец ужинал, донёсся громкий автомобильный выхлоп. Американец сильно вздрогнул и закричал: “Большевики расстреливают заключённых!” Скорее всего, сказали украинцы, он до сих пор этому верит.

Днём мы гуляли по красивому парку, который выходит на обрыв Днепра. Здесь росли огромные деревья, а на месте эстрадных раковин, сожжённых

немцами, построили уже новые. Среди деревьев виднелись могилы защитников города — зелёные холмики с красными цветами. В парке были маленькие театры и много скамеек.

Далеко внизу река огибает обрыв, а на той стороне реки — песчаный пляж, где загорают и купаются. Вдали равнина и город, полностью разрушенный во время боёв за него, руины, чернота и одиноко стоящие стены. С этого места Красная Армия начала отвоёвывать город у немецких оккупантов.

* * *

В парке играл оркестр, дети сидели на скамейках и слушали. По реке сновали лодки и пароходики, купались люди.

Мы перешли по пешеходному мостику над дорогой и внизу увидели автобусную остановку. Перед автобусом разыгрался скандал с участием женщин, равному которому мы не видели давно. Законы очередей у русских незыблемы. Чтобы попасть в трамвай или автобус, надо встать в очередь. Исключения из этого правила составляют беременные женщины, женщины с детьми, старики и калеки — они могут в очереди не стоять. Так вот, внизу какой-то мужчина прошёл без очереди, возмущённая женщина вцепилась в него, чтобы оттащить его туда, где он стоял раньше. Но тот с каким-то упрямством не уступал и всё-таки пролез в автобус. Но женщина бросилась вслед за ним, вытолкала его из машины и поставила в очередь. Она была в ярости, а те, кто стоял в очереди, подбадривали её, пока она выволакивала мужчину из автобуса и ставила его на место. Это был один из немногих случаев насилия, с которыми мы столкнулись за время всей нашей поездки. А в основном люди относятся друг к другу с невероятным терпением.

У наших хозяев накопилось к нам много вопросов. Они хотели знать об Америке, о её размерах, о её урожаях, о её политике. И мы начали сознавать, что рассказывать об Америке очень сложно. Есть у нас много такого, чего мы не понимаем сами. Мы рассказали о нашей теории правления, где одна часть правительства контролируется другой её частью. Мы постарались объяснить, что очень боимся диктатуры и лидеров, наделённых слишком большой властью, и что наша форма правления такова, что исключает сосредоточение власти в одних руках, а если уж допускает это, то не даёт долго сохранять её. Мы согласились, что наша страна из-за этого медленнее функционирует, зато функционирует надёжнее.

Они спрашивали о заработках, жизненном уровне, образе жизни рабочего человека, есть ли у среднего гражданина автомобиль, в каком доме он живёт, ходят ли в школу его дети и какая это школа.

А потом они стали говорить об атомной бомбе и заявили, что не испытывают страха перед ней. Сталин сказал, что бомбу в войне никогда не используют, и они безоговорочно верят этому заявлению. Один человек сказал, что, даже если её и сбросят, она разрушит одни только города. «А наши города уже разрушены, — сказал он. — А на что ещё она способна? Если на нас нападут, мы будем защищаться, как мы защищались от немцев. Мы будем сражаться в снегу, в лесах и в полях».

Они говорили о войне с волнением: они столько всего пережили. Они спросили:

— Нападут ли на нас Соединённые Штаты? Неужто нашему поколению придётся опять защищать свою страну?

Мы ответили:

— Нет, мы не думаем, что Соединённые Штаты нападут на вас. Мы не знаем. Нам такие вещи не говорят. Но не думаем, что наш народ хочет напасть на кого-то. — И мы спросили у них, с чего они взяли, что мы можем напасть на Россию.

Что ж, ответили они, мы узнали об этом из ваших газет. Некоторые ваши газеты постоянно пишут о нападении на Россию. А кое-какие призывают к так называемой превентивной войне. Но известно, сказали они, превентивная война такая же, как и любая другая. Мы ответили, что газеты, которые они называют, и те обозреватели, которые пишут только о войне, не являются настоящими представителями американского народа. Мы не думаем, что американский народ хочет войны с кем бы то ни было.

И тут всплыл старый-старый вопрос, который возникает всегда: “Почему же тогда ваше правительство не контролирует газеты и журналистов, которые призывают к войне?” И нам снова приходилось объяснять, как и много раз до этого, что мы не считаем, что нашу прессу нужно контролировать, и думаем, что побеждает, как правило, правда, а контроль просто загоняет всё плохое вглубь. У нас считают так: пусть наговорятся и напишутся публично, это лучше, чем если они тайно, в ночи, будут распространять свою отраву.

Перед тем как заснуть, мы немного поговорили. Если между Советским Союзом и Соединёнными Штатами разразится война, эти люди будут считать злодеями нас, американцев. Пропаганда ли тому причиной, или страх, или что другое – винить в случае войны они будут нас. Речь всегда идёт о вторжении в их страну, и они очень боятся этого, потому что через это прошли. Снова и снова спрашивают: “Соединённые Штаты нападут на нашу страну? Неужели вы пошлётё бомбардировщики, чтобы причинить нам ещё больший вред?” Но они никогда не говорят: “Мы пошлём свои бомбардировщики” или “Мы вторгнемся в Америку”.

* * *

Я смотрел на женщин, которые шли по улице, как танцовщицы. У них лёгкая походка и красивая осанка. Многие из них прелестны. Местное население часто страдало из-за того, что украинская земля так богата и плодородна, множество захватчиков тянулось к ней. Представьте себе территорию Соединённых Штатов, полностью разрушенную от Нью-Йорка до Канзаса, и получится приблизительно район Украины, подвергшийся разорению. Вы можете представить себе людские потери, которые понесла Украина: шесть миллионов человек, не считая солдат, т. е. 15% населения.

Если считать и солдат, то жертв, конечно, ещё больше, но на Украине было убито шесть миллионов из сорока пяти миллионов гражданского населения. Здесь есть шахты, которые никогда не откроют снова, потому что немцы сбросили туда тысячи людей. Всё промышленное оборудование на Украине было разрушено или вывезено, и теперь, пока не будет поставлено новое, всё производится вручную. Каждый камень и кирпич разрушенного города надо поднять и перенести вручную, поскольку нет бульдозеров. Но пока ведутся восстановительные работы, украинцы должны ещё производить продукты питания, потому что Украина является главной житницей страны.

Они говорят, что в период уборки урожая нет выходных, а теперь как раз время урожая. На фермах не существует ни воскресений, ни отгулов.

Работа, которая им предстоит, грандиозна. Здания, которые надо отстроить заново, сначала необходимо снести. А то, что бульдозер сделал бы за несколько дней, вручную можно расчистить только за недели. Но бульдозера пока нет. Всё необходимо заменить, и сделать это нужно быстро. Мы прошли через разрушенный и уничтоженный центр города. В музее есть планы нового города. Мы все отчётливо сознавали, как жизненно важна для советского народа надежда на то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Здесь в белом гипсе была изготовлена модель нового города. Должен вырасти грандиозный, невероятный город классических линий из белого мрамора, с огромными зданиями, колоннами, куполами, арками, гигантскими мемориалами. Гипсовая модель будущего города занимала большую часть одного из залов. Директор музея показывал нам здания. Это будет Дворец Советов, это – музей. Опять, как всегда, музей.

Капа говорит, что музей – это церковь русских. Им нравятся величавые и богато украшенные здания. Они любят чрезмерность. В Москве, где нет никакой надобности в строительстве небоскрёбов, поскольку пространство практически неограниченно и ландшафт этого не требует, они всё-таки планируют строительство высоких зданий в нью-йоркском стиле, хотя в отличие от Нью-Йорка в этом нет надобности. Они возводят свои города медленно, с муравьиной настойчивостью. А пока люди идут мимо руин, мимо разрушенных и разбитых домов; люди – мужчины, женщины и даже дети – идут в музей, чтобы посмотреть на гипсовые города будущего. В России о будущем думают всегда. Об урожае будущего года, об удобствах, которые будут через десять лет, об одежде, которую очень скоро сошьют, Если какой-либо народ и может из надежды извлекать энергию, то это именно русский народ.

В этот день, 9 августа, мы поехали в колхоз имени Шевченко. Потом мы стали называть его “Шевченко-1”, потому что вскоре мы посетили другой колхоз имени Шевченко, названный так в честь любимого украинского национального поэта.

На протяжении нескольких миль дорога была вымощена, потом мы свернули вправо и поехали по разбитой грунтовой дороге. Мы ехали через сосновые леса, по равнине, где шли ожесточённые бои. Повсюду остались их следы. Сосны были истреплены и разбиты пулемётным огнём. Здесь были траншеи и пулемётные гнёзда, даже дороги были разбиты и искромсаны гусеницами танков и изрыты артиллерийскими снарядами. Повсюду лежали ржавые останки военной техники, сожжённые танки и сломанные грузовики. За эту землю сражались, её уступили, но постепенно, сантиметр за сантиметром, её отвоевали у врага.

Колхоз “Шевченко-1” никогда не относился к числу лучших, потому что земли имел не самые хорошие, но до войны это была вполне зажиточная деревня с тремястами шестьдесятю двумя домами, где жило 362 семьи. В общем, дела у них шли хорошо.

После немцев в деревне осталось восемь домов, и даже у этих были сожжены крыши. Людей разбросало, многие из них погибли, мужчины ушли партизанами в леса, и одному Богу известно, как дети сами о себе заботились.

Но после войны народ возвратился в деревню. Вырастали новые дома, а поскольку была уборочная пора, дома строили до работы и после, даже ночами, при свете фонарей. Чтобы построить свои маленькие домики, мужчины и женщины работали вместе. Все строили одинаково: сначала одну комнату и жили в ней, пока не построят другую. Зимой на Украине очень холодно, и дома строятся таким образом: стены складываются из обтёсанных брёвен, закреплённых по углам. К брёвнам прибивается дранка, а на неё для защиты от морозов с внутренней и внешней стороны наносится толстый слой штукатурки.

В доме сени, которые служат кладовой и прихожей одновременно. Отсюда попадаешь в кухню, оштукатуренную и побелённую комнату с кирпичной печкой и подом для стряпни. Сам очаг отстоит на четыре фута от пола, здесь пекут хлеб – плоские тёмные буханки очень вкусного украинского хлеба.

За кухней расположена общая комната с обеденным столом и украшениями на стенах. Это – гостиная с бумажными цветами, иконами и фотографиями убитых. А на стенах – медали солдат из этой семьи. Стены белые, а на окнах – ставни, которые, если закрыть, также защитят от зимнего мороза.

Из этой комнаты можно попасть в спальню – одну или две, в зависимости от размера семьи. Из-за трудностей с постельным бельём кровати у них покрыты чем угодно: ковриками, овечьей шкурой, чем угодно, лишь бы было тепло. Украинцы очень чистоплотны, и в домах у них идеальная чистота.

Нас всегда убеждали, что в колхозах люди живут в бараках. Это неправда. У каждой семьи есть свой дом, сад, цветник, большой огород и пасека. Площадь такого участка – около акра. Поскольку немцы вырубали все фруктовые деревья, были посажены молодые яблони, груши и вишни.

Сначала мы пошли в новое здание сельсовета, где нас встретили председатель, потерявший руку на фронте, бухгалтер, который только что демобилизовался из армии, но носил ещё военную форму, и трое пожилых мужчин. Мы сказали им, что знаем, насколько они заняты во время уборки урожая, но хотели бы сами посмотреть уборочные работы. Когда пришли немцы, в колхозе было семьсот голов крупного рогатого скота, а сейчас всего две сотни животных всех видов. До войны у них было два мощных бензиновых движка, два грузовика, три трактора и две молотилки. А сейчас – один маленький бензиновый движок и одна маленькая молотилка. Трактора нет. Во время пахоты они получили одну машину на близлежащей тракторной станции. Раньше они имели сорок лошадей, осталось только четыре.

Село потеряло на войне пятьдесят человек разного возраста, здесь было много калек и инвалидов. У некоторых детей не было ног, другие потеряли зрение. И село, которое так отчаянно нуждалось в рабочих руках, старалось каждому человеку найти посильную для него работу. Инвалиды, которые хоть

как-то могли работать, получили работу и почувствовали себя нужными, участвуя в жизни колхоза, поэтому неврастеников среди них было немного.

Эти люди не были грустными. Они много смеялись, шутили, пели.

На полях колхоза выращивали пшеницу, просо и кукурузу. Почва была лёгкая, песчаная, поэтому здесь хорошо росли огурцы, картофель, помидоры, было также много мёда и подсолнухов. Здесь очень широко используется подсолнечное масло.

Сначала мы пошли на огороды, где женщины и дети собирали огурцы. Людей поделили на две бригады, и они соревновались, кто больше соберёт овощей. Женщины шли рядами по грядкам, они смеялись, пели и переключались. На них были длинные юбки, блузы и платки, и все были разуты, поскольку обувь пока ещё слишком большая роскошь, чтобы работать в ней в поле. На детях были только штаны, и их маленькие тельца становились коричневыми под лучами летнего солнца. По краям поля в ожидании грузовиков лежали кучи собранных огурцов.

Паренёк по имени Гриша в живописной шляпе из тростника подбежал к матери и закричал с удивлением:

— Эти американцы такие же люди, как и мы!

* * *

Это был весёлый доброжелательный народ, они заставили нас попробовать огурцы и помидоры. Огурцы — очень важный вид овощей. Их солят, и солёные огурцы едят всю зиму. Засаливают также и зелёные помидоры, из которых с приходом снега и морозов делают салаты. Эти овощи, а также капуста и репа — зимние овощи. И хотя женщины смеялись, болтали и заговаривали с нами, они не переставали работать, потому что урожай был хороший — на семьдесят процентов выше, чем в прошлом году. Первый по-настоящему хороший урожай с 1941 года, и они возлагают на него большие надежды.

Потом мы пошли на цветущий луг, на котором стояли сотни ульев и палатка, где жил пасечник. В воздухе слышалось приглушённое жужжание пчёл. К нам быстро зашагал старый бородатый пасечник, чтобы закрыть наши лица сетками от пчёл. Мы надели сетки и спрятали руки в карманы. Пчелы сердито гудели вокруг нас.

Старик-пасечник открыл ульи и показал нам мёд. Он сказал, что работает здесь уже тридцать лет и очень гордится этим. В течение многих лет он работал с пчёлами, но знал в общем о них не много. Но сейчас он стал читать и учиться, и теперь он обладатель огромного сокровища: у него шесть молодых маток. Он сказал, что они из Калифорнии. Из его описания я понял, что это был некий калифорнийский вариант “итальянской чёрной” пчелы. Он сказал, что очень доволен новыми пчёлами. И добавил, что они будут более устойчивыми к морозу, а рабочий сезон увеличится — начнётся раньше, а закончится позже.

Потом он пригласил нас к себе в палатку, спустил полог, нарезал большие куски вкусного ржаного украинского хлеба, намазал мёдом и угостил нас. Снаружи доносилось пчелиное жужжание. Позже старик снова открыл ульи и бесстрашно выгреб оттуда целые пригоршни пчёл, как это делает большинство пчеловодов. Но предупредил нас, чтобы мы не раскрывались, потому что пчёлы не любят незнакомых.

Оттуда мы пошли на поле, где молотили пшеницу. Оборудование было на удивление неподходящее: старый одноцилиндровый бензиновый двигатель, от которого работала старинная молотилка, и воздуходувка, которую надо было крутить вручную. Здесь также не хватало людей. Женщин было намного больше, чем мужчин, а среди мужчин было очень много инвалидов. У механика, который управлял бензиновым двигателем, на одной руке совсем не было пальцев.

Поскольку земля была не очень плодородной, урожай пшеницы получили невысокий. Зерно высыпалось из молотилки на широкое полотно брезента. По краям сидели дети и подбирали каждое зерно, которое, случалось, падало в грязь, — ведь каждое зерно на счету.

Когда мы возвратились из России, чаще всего мы слышали такие слова: “Они вам устроили показуху. Они всё организовали специально для вас. То-го, что есть на самом деле, они вам не показали”. И эти колхозники действительно кое-что устроили для нас. Они устроили то, что устроил бы для гостей любой фермер из Канзаса. Они вели себя так, как ведут себя люди у нас на родине...

И они действительно постарались ради нас. Пришли с поля грязными, сразу вымылись и надели лучшую одежду, а женщины достали из сундуков чистые и свежие платки. Они помыли ноги и обулись, надели свежестырированные юбки и блузы. Девочки собрали цветы, поставили их в бутылки и принесли в светлую гостиную. А из других домов приходили делегации ребятшек со стаканами, тарелками и ложками. Одна женщина принесла банку огурцов особого засола, и со всей деревни присылали бутылки водки. А какой-то мужчина принёс даже бутылку грузинского шампанского, которую он припас Бог знает к какому грандиозному торжеству.

На кухне вовсю хлопотали женщины. В новой белой печи гудел огонь – там пеклись плоские караваи доброго ржаного хлеба, жарилась яичница, кипел борщ. За окном лил дождь, поэтому наша совесть была спокойна – ведь мы не отрывали людей от уборочных работ, во всяком случае во время дождя работать с зерном невозможно.

В одном углу гостиной висела икона Богородицы с младенцем в красивом позолоченном окладе, под пологом из домотканых кружев. Эту икону, а она была очень старой, по всей вероятности, закопали, когда пришли немцы. На стене висела увеличенная и раскрашенная фотография прапрадедушек. Двое сыновей из этой семьи погибли во время войны, их снимки висели на другой стене, – они были сфотографированы в форме и выглядели очень молодо, строго и провинциально.

В комнату вошли мужчины, опрятно одетые, чистые, помытые, побритые и обутые. На работах в поле ботинки не носят. Спасаясь от дождя, в дом прибежали девочки с полными фартуками яблок и груш.

Хозяин – лет пятидесяти, с высокими скулами, светлыми волосами, широко посаженными голубыми глазами на обветренном лице. На нём была гимнастёрка и широкий кожаный ремень, какие носили партизаны. Его лицо было искажено, словно от ранения.

Наконец нас пригласили к столу. Украинский борщ, до того сытный, что им можно было наесться. Яичница с ветчиной, свежие помидоры и огурцы, нарезанный лук и горячие плоские ржаные лепёшки с мёдом, фрукты, колбасы – всё это поставили на стол сразу. Хозяин налил в стаканы водку с перцем – водку, которая настаивалась на перце горошком и переняла его аромат. Потом он позвал к столу жену и двух невесток – вдов его погибших сыновей. Каждой он протянул стакан с водкой.

Мать семейства произнесла тост первой. Она сказала:

– Пусть Бог ниспошлёт вам добро.

И мы все выпили за это. Мы наелись до отвала, и всё было очень вкусно.

Теперь наш хозяин провозгласил тост, который мы уже слышали очень много раз: это был тост за мир во всём мире. Странно, но нам редко удавалось слышать интимные, частные тосты. Чаще звучали тосты за нечто более общее и грандиозное, чем за будущее какого-то отдельного человека. Мы предложили выпить за здоровье членов семьи и процветание колхоза. А крупный мужчина в конце стола встал и выпил за память Франклина Д. Рузвельта.

Мы начали понимать, как относились к памяти Рузвельта во всём мире, и то, как трагически встретили известие о его смерти. Я вспомнил одну историю, когда-то мною услышанную. Когда умер Линкольн, известие о его смерти через неделю пришло даже в Центральную Африку, новость передавали при помощи барабанов, посылали гонцов – то была весть о трагедии мирового масштаба. Совсем неважно, как думают или говорят противники Рузвельта, даже если бы Рузвельт был жив. Действительно, имеет значение то, что его имя во всём мире является символом мудрости, доброты и понимания. Для простых людей мира Рузвельт перестал быть человеком – он стал принципом. А те, кто нападают на него теперь и порочат его память, на самом деле совсем не причиняют вреда его имени, а проявляют себя как под-

лые, жадные, эгоистичные и глупые люди. Имя Рузвельта недостижимо для недалёких умов и грязных рук.

* * *

Директор “Шевченко-2”, бывший известный партизан, и теперь носил военную форму защитного цвета и ремень. У него были голубые глаза и жёсткие складки у рта.

В колхозе жили около тысячи двухсот человек, большинство мужчин погибли. Председатель сказал нам:

– Мы можем восстановить поголовье лошадей, можем даже увеличить его, но наших мужчин не возвратить, а калекам не вернуть ноги и руки...

Колхоз “Шевченко-2” был из числа преуспевающих. Земля здесь плодородная и ровная. Выращивают пшеницу, рожь и кукурузу. Прошлой весной ударили морозы, и часть озимой пшеницы погибла. Люди мгновенно стали готовить почву под кукурузу, чтобы земля не пустовала. А под кукурузу земля здесь очень хорошо подходит. Стебли вырастают до восьми-девяти футов, початки крупные и полные.

Мы пошли на пшеничное поле, где работала масса людей. Поле было очень большое, и повсюду мы видели, как люди убирали пшеницу косами, ведь в колхозе была лишь одна маленькая жатвенная машина и трактор. Поэтому большую часть пшеницы жнут и вяжут вручную. Люди работали неистово. Они смеялись и перекликались, ни на секунду не переставая работать. И не только потому, что соревновались между собой, но и оттого, что впервые за долгое время получили прекрасный урожай и хотели собрать всё зерно: ведь их доход целиком зависит от этого.

Мы отправились в зернохранилище – здесь мешки подсолнечника на масло, рожь и пшеница. Всё распределено: это для государства, это отложено для будущего сева, остальное для колхозников.

Сама деревня расположилась по берегу озера, в котором купаются, стирают, моют лошадей. Голые мальчишки заезжали в озеро верхом на лошадях, чтобы вычистить их. Вокруг озера сосредоточились и общественные заведения – клуб с маленькой сценой, залом и танцплощадкой; мельница и контора, где хранятся сбережения и выдаются письма. В этом же учреждении есть радиоприёмник, репродуктор которого вынесли на крышу. А все домашние громкоговорители деревни подключены к этому основному. Эта деревня электрифицирована, здесь есть фонари и работают моторы.

Дома с садами и огородами стояли на склонах пологих холмов. Деревня была очень красива. Дома недавно побелили известью, зеленели и пышно цвели сады, краснели помидоры на кустах, около домов высилась кукуруза.

Дом, в котором нас должны были принять, находился на самом холме, под нами раскинулась равнина, поля и сады. Дом был, как и все другие, как большинство украинских сельских домиков: с прихожей, кухней, двумя спальнями и гостиной. Дом совсем недавно оштукатурен. Даже полы были отделаны заново. В доме сладко пахло глиной.

Нашим хозяином стал сильный, улыбчивый человек лет пятидесяти пяти – шестидесяти. Его жена, которую он звал Мамочкой, полностью соответствовала своему имени. Эта женщина была настоящей труженицей, в полном смысле слова.

Нас пригласили в гостиную и дали нам отдохнуть. Стены комнаты были побелены с синькой, а на столе стояли бутылки, обёрнутые в розовую бумагу, с бумажными цветами всех оттенков.

Совершенно очевидно, что эта деревня была богаче, чем “Шевченко-1”. Даже икона была больше по размеру и покрыта светло-голубым кружевом в тон стен. Семья была не очень многочисленной, один сын – его сильно увеличенная раскрашенная фотография висела на стене гостиной; о нём они упомянули лишь раз.

Мать сказала:

– Окончил биохимический факультет в 1940 году, призван в армию в 1941-м, убит в 1941-м.

Когда Мамочка сказала это, лицо её очень побледнело; она упомянула о нём лишь раз, а был это её единственный сын.

* * *

Мы считали, что встали рано, хотя вся деревня работала в поле с самого рассвета. Мы пошли в поле, где они жали рожь. Мужчины с длинными косами шли в ряд, оставляя за собой широкие полосы скошенной ржи. За ними шли женщины, которые вязали снопы скрученными из соломы верёвками, а за женщинами шли дети – они подбирали каждый колосок, каждое зёрнышко, чтобы ничего не пропало. Они работали на совесть, ведь время было самое горячее. Капа фотографировал, они смотрели в объектив, улыбались и продолжали работать. Перерывов не было. Этот народ работал так тысячелетиями, потом их труд был ненадолго механизирован, но теперь они опять вынуждены вернуться к ручному труду, пока не будут созданы новые машины.

Мы были на мельнице, где мелют зерно для хлеба, и сходили в контору, где хранятся колхозные бухгалтерские книги.

На краю деревни они строили кирпичный заводик. Местные жители мечтают строить кирпичные дома с черепичной крышей: их беспокоит опасность пожара от возгорания соломы на крыше. Они рады, что у них есть торф и глина, чтобы делать кирпичи. А когда их деревню застроят, они будут продавать кирпич соседям. Заводик будет достроен к зиме, и, когда закончатся полевые работы, они перейдут на завод. Под навесом уже заготовлены горы торфа.

В полдень мы навестили одну семью во время обеда: она состояла из жены, мужа и двоих ребятишек. Посреди стола стояла огромная миска супа из овощей и мяса; у каждого члена семьи была деревянная ложка, которой он черпал суп из миски. И ещё была миска с нарезанными помидорами, большая плоская буханка хлеба и кувшин с молоком.

Потом люди, сидящие за столом, стали говорить о будущем их колхоза. Через год или два его электрифицируют и механизировать. Очень они гордятся своим колхозом. Скоро, сказали они, привезут новые тракторы, и скоро деревенские жители смогут хорошо питаться и хорошо жить, и им не придётся так ужасно много работать.

– Приезжайте к нам через год, – говорили они, – и посмотрите, как у нас всё переменится. Мы начнём строить кирпичные дома, построим кирпичное здание для клуба, крыши – из черепицы. И жить будет намного легче.

* * *

С рынка нас повели в гигантскую пекарню, где печётся чёрный хлеб для всего города. Прежде чем мы вошли в пекарню, директор надел на нас белые халаты. Часть пекарни разрушена, сейчас её отстраивают и расширяют. Директор рассказал, что, когда город был в осаде, пекарня всё равно продолжала работать и даже тогда, когда на город падали бомбы, печи выдавали хлеб.

Здесь были горы хлеба. Пекарня была полностью механизирована: миксеры, мешалки, печи – всё работало автоматически. Длинные цепочки из буханок чёрного хлеба проходят через печи, складываются в тележки и везутся в город.

Люди очень гордились этой пекарней, и директор спросил нас, есть ли в Америке такие замечательные вещи. И здесь мы опять столкнулись с тем, что нам так часто уже встречалось: русские действительно верят, что это придумали именно они. Они любят автоматические механизмы и мечтают о том, чтобы вся их техника была полностью механизирована. Механизация означает для них свободу и удобство, а также обилие еды и всеобщее богатство. Они любят машины так же, как американцы: вокруг нового автомобиля собирается толпа, люди стоят и глазят на него почти с благоговением.

* * *

Время нашего пребывания в Киеве подходило к концу, и мы готовились к отлёту в Москву. Люди, с которыми мы здесь встретились, были очень гостеприимные, добрые и великодушные и очень нам понравились. Это были умные, очень энергичные, весёлые люди с чувством юмора. На месте руин они

с упорством возводили новые дома, новые заводы, строили новую технику и новую жизнь. И неустанно повторяли:

– Приезжайте к нам через пару лет, и вы увидите, чего мы добьёмся.

III. Сталинград

На центральной площади лежали развалины того, что раньше было большим универмагом, бывшим последним опорным пунктом немцев после окружения. Фон Паулюса захватили именно на этом месте, здесь же и завершилась битва.

На другой стороне улицы находилась отремонтированная гостиница “Интурист”, в которой мы должны были остановиться. Нам дали две большие комнаты. Из наших окон были видны груды обломков, битого кирпича, бетона, измельчённой штукатурки; среди руин росли странные тёмные сорняки, которые обычно появляются в разрушенных местах. За то время, пока мы были в Сталинграде, мы всё больше и больше поразились, какое огромное пространство занимают эти руины, и самое удивительное, что эти руины были обитаемы. Под обломками находились подвалы и щели, в которых жило множество людей. Сталинград был большим городом с жилыми домами и квартирами, сейчас же ничего этого не стало, за исключением новых домов на окраинах, а ведь население города должно где-то жить. И люди живут в подвалах домов, в которых раньше были их квартиры. Мы могли видеть из окон нашей комнаты, как из-за большой груды обломков появлялась девушка, которая шла утром на работу, поправляя расчёской волосы. Девушка, опрятно и чисто одетая, пробиралась через сорняки, направляясь на работу.

Мы не могли себе представить, как им это удавалось. Как они, живя под землёй, умели сохранять чистоту, гордость и женственность. Женщины выходили из своих укрытий и шли на рынок. На голове – белая косынка, в руке – корзинка для продуктов. Всё это было странной и героической пародией на современную жизнь.

Мы хотели увидеть и сфотографировать знаменитый Сталинградский тракторный завод. Именно на этом заводе рабочие продолжали собирать танки под немецким обстрелом. А когда немцы подошли слишком близко, люди отложили свои инструменты и пошли защищать завод, а потом снова принялись за работу.

Здесь, на заводе, который обороняли его рабочие и где эти же рабочие собирали тракторы, можно было ощутить дух русской обороны...

Завод за большими воротами был примечательным местом: пока одна группа рабочих трудилась здесь на сборочной линии, в кузнечном цеху и на прессах, другие в это время восстанавливали руины. Пострадали заводские цеха, большинство из них стояли без крыш, а некоторые были полностью разрушены. И восстановление завода шло одновременно с выпуском тракторов. Мы видели плавильные печи, где в переплавку шли останки немецких танков и орудий. И мы видели металл на прокатном стане. Мы наблюдали за отливкой, штамповкой, шлифовкой и отделкой деталей. И вот наконец с линии съезжали новые тракторы; покрашенные и отполированные, они собирались на стоянке в ожидании вагонов, которые отвезут их на поля. А среди полуразрушенных зданий работали строители, слесари, каменщики и стекольщики, которые восстанавливали завод. Времени ждать, пока завод будет полностью восстановлен, не было.

* * *

Работая над великими планами возрождения Сталинграда, небольшая армия архитекторов не забывает и менее важные объекты: школы, деревни и проекты маленьких домиков. Поскольку город начинают застраивать с окраин, здесь, вдали от центра, тысячами вырастают маленькие дома и жилые здания. А в центре ничего не строят до тех пор, пока не будут утверждены проекты общественных зданий.

Пока мы сидели у архитектора, в кабинет вошёл служащий и спросил, не хотим ли мы посмотреть на подарки, которые прислали в Сталинград со всего

мира. И мы, хотя и были уже сыты музеями по горло, решили, что на этот раз нам необходимо на это взглянуть. Мы вернулись в гостиницу, чтобы немножко отдохнуть, но, как только добрались до своего номера, в дверь постучали. Мы открыли, и в комнату вошла целая вереница мужчин, которые держали какие-то коробки, чемоданы, портфели. Это были подарки сталинградцам. Здесь был красный бархатный щит, украшенный филигранным золотым кружевом, – подарок от императора Эфиопии. Здесь был пергаментный свиток с высокопарными словами от правительства Соединённых Штатов, подписанный Франклином Д. Рузвельтом. Нам показали металлическую тарелку от Шарля де Голля и меч, присланный английским королём городу Сталинграду. Здесь была скатерть, на которой вышиты имена тысячи пятисот женщин одного маленького британского города. Нам принесли все эти вещи в комнату, потому что в Сталинграде ещё нет музея. Нам пришлось просмотреть гигантские папки, где на всевозможных языках были написаны приветствия гражданам Сталинграда от разных правительств, премьер-министров и президентов.

Нас вдруг охватило чувство печали, когда мы увидели все эти подношения от глав правительств, копию средневекового меча, копию старинного щита, несколько фраз, написанных на пергаменте, и множество напыщенных слов, и, когда нас попросили записать что-то в книгу, нам просто нечего было сказать. В книге было много выражений, таких, как “всемирные герои” и “защитники цивилизации”. Слова и подарки походили на гигантские, мускулистые, уродливые и идиотские скульптуры, которые обычно создавались, чтобы отметить какое-то скромное событие. А в эту минуту нам вспоминались только закрытые железными масками лица мужчин, стоящих у печей на тракторном заводе, девушки, выходящие из подземных нор и поправляющие волосы, да маленький мальчик, который каждый вечер приходил навестить своего отца на братскую могилу. И это были не пустые аллегорические фигуры. Это были маленькие люди, на которых напали и которые смогли себя защитить.

Средневековый меч и золотой щит казались абсурдными и подчёркивали некоторую скудость воображения того, кто их подарил. Мир наградил Сталинград фальшивой медалью, в то время как город нуждался, скажем, всего лишь в полдюжине бульдозеров.

Нам показали новые и восстановленные жилые дома для рабочих сталинградских заводов. Нас интересовало, сколько они получают, сколько должны платить за квартиру и еду.

Квартиры маленькие и довольно удобные. Кухня, одна-две спальни и гостиная. Чернорабочие, то есть неквалифицированные рабочие, получают теперь пятьсот рублей в месяц. Рабочие неполной квалификации – тысячу рублей в месяц, а квалифицированные рабочие – две тысячи рублей. Но это ничего не значит, это имеет отношение только к питанию и квартплате, а квартплата по всему Советскому Союзу, если вам, конечно, вообще удастся получить квартиру, неправдоподобно мала. За такие квартиры, включая стоимость газа, электричества и воды, платят двадцать рублей в месяц, что составляет два процента дохода квалифицированного рабочего и четыре процента – от дохода рабочего неполной квалификации. Еда в магазинах стоит очень дешево. На простую еду, которая входит в обыкновенный рацион человека, то есть хлеб, капусту, мясо и рыбу, уходит совсем немного денег.

IV. Грузия

Место, где родился Сталин, оставлено так, как и выглядело раньше, только закрыто огромным шатром для защиты от непогоды. Верх этого шатра сделан из цветного стекла. Сталин родился в крошечном одноэтажном домике, построенном из оштукатуренных камней, с двумя комнатами и верандой по всему фасаду. И всё же семья Сталина была так бедна, что все теснились в половине дома, в одной комнате. Через дверь протянут шнур, но каждый может заглянуть внутрь, увидеть кровать, небольшой платяной шкаф, маленький стол, самовар, кривую лампу. В этой комнате семья жила, готовила еду и спала. Шатёр из цветного стекла опирается на квадратные золочёные мраморные колонны. Всё это сооружение находится в большом розовом цветнике. За цветником расположен Музей Сталина, где представлено всё, что только можно было найти из предметов, связанных с его детством и юностью:

ранние фотографии, картины, посвящённые эпизодам из его жизни, фотографии, сделанные, когда он был арестован. В то время он был очень красивым парнем с дикими горячими глазами. На стене — огромная карта, где отмечены его перемещения, тюрьмы, где он был заключён, и места его ссылки в Сибири. Здесь же его книги, бумаги и передовые статьи, которые он писал для маленьких газет. Его жизнь была последовательной — с самого начала он повёл линию, которую продолжает по сей день.

Во всей истории нет человека, которого бы так почитали при жизни. В этом отношении можно вспомнить разве что Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественному закону. Его родина уже превратилась в место паломничества. Люди, посещавшие музей, пока мы там были, переговаривались шёпотом и ходили на цыпочках. В тот день ответственной по музею была очень хорошенькая молодая девушка, и после прочитанной лекции она пошла в сад, срезала розы и преподнесла каждому из нас по бутону. Все тщательно спрятали цветы, чтобы сберечь их как сокровище в память о святом месте. Нет, во всей истории мы не знаем ничего, что можно было бы с этим сравнить.

Если в какой-нибудь город Америки и приезжает посетитель, то ему показывают Торговую палату, аэродром, новое здание суда, бассейн и арсенал. А приехавшего в Россию ведут в музей и парк культуры и отдыха. Парк культуры и отдыха есть в любом городе, и мы уже привыкли к ним: скамейки, длинные цветочные клумбы, статуи Сталина и Ленина, каменные скульптурные группы в память о боях, которые происходили в городе во времена революции. Отказ посмотреть местный парк культуры и отдыха будет считаться такой же бестактностью, как если бы отказаться посмотреть районы новой застройки в американском городке. Несмотря на то, что мы устали после жуткой тряски в джипе и обгорели на солнце оттого, что у нас не было с собой шляп, нам всё же пришлось идти в парк культуры и отдыха города Гори.

* * *

Поезд спустился к берегу Чёрного моря и шёл параллельно ему. Всё побережье — гигантский летний курорт. Каждый клочок земли занят под большой санаторий или гостиницу, и даже с утра пляжи заполнены купальщиками, ведь это место, куда приезжают отдыхать почти со всего Советского Союза.

Теперь наш поезд, казалось, останавливался через каждые несколько футов. И на всех остановках с поезда сходили люди, которые приехали отдыхать в один из санаториев. Это отдых, к которому стремятся почти все русские рабочие. Это вознаграждение за долгий тяжёлый труд; здесь восстанавливается здоровье раненых и больных. Глядя на пейзаж, на спокойное море и тёплый воздух, мы поняли, почему люди по всей России всё время повторяли нам:

— Подождите, вот увидите Грузию...

Батуми — очень приятный тропический город, город пляжей и гостиниц и важный порт на Чёрном море. Это город парков и затенённых деревьями улиц — ветер с моря не даёт им накалиться.

Днем мы посетили некоторые дома отдыха. Это огромные дворцы среди великолепных садов, и почти все они выходят к морю...

Первый дом, в котором мы были, выглядел как роскошная гостиница. Вверх от пляжа к нему вела большая лестница, он был окружен высокими деревьями, а огромная веранда выходила прямо на море. Дом принадлежал московскому отделению профсоюза электриков, и все, кто здесь остановился, были электриками. Мы заинтересовались, как они смогли сюда приехать, и нам ответили, что на каждом заводе и в каждом цеху существует комитет, в который входят не только рабочие — представители завода, но и заводской врач. Комитет, рассматривающий кандидатуры тех, кому предстоит отпуск, принимает во внимание многие факторы: и длительность работы, и физическое состояние, и степень усталости, и, сверх всего прочего, вознаграждение за работу. Если рабочий перенес болезнь и ему требуется долгий отдых, медчасть заводского комитета направляет его в дом отдыха.

Одна часть этого дома отдыха предназначена для мужчин, другая — для женщин, а третья — для семей, которым на время отпуска предоставляются квартиры. Есть ресторан, игровые комнаты, читальные залы, музыкальные комнаты. В одной игровой комнате люди играли в шахматы и шашки; в другой шел быстрый поединок в пинг-понг. Теннисные корты были заполнены игроками и зрителями, а по лестницам шли вереницы людей, возвращаясь с купания или спускаясь на пляж. Гостиница имела свои лодки и рыболовные снасти. Многие просто сидели на стульях и смотрели на море. Здесь были выздоравливающие после болезни и пострадавшие от несчастных случаев на производстве, которых послали поправиться на теплом воздухе Черного моря. В среднем отпуск длится двадцать восемь дней, но в случае болезни пребывание здесь может быть продлено на столько, на сколько посчитает нужным заводской комитет.

Нам сказали, что очень многие профсоюзы имеют на море дома отдыха для своих членов. За один раз дом отдыха может принять триста человек.

Мы проехали несколько миль вниз по побережью к санаторию, который тоже походил на огромную гостиницу. Это был государственный санаторий для туберкулезников и людей, страдающих другими болезнями легких, наполовину больница, наполовину дом отдыха. Очень приятное солнечное место. Лежачих больных вывозили на кровати на балконы с видом на сады и море, а амбулаторные пациенты бродили, слушая музыку и играя в неизбежные шахматы — игру, которая по популярности стоит на втором месте после футбола.

Пациенты были направлены в этот дом медицинскими учреждениями своих районов. Это было место отдыха. Когда мы только приехали сюда, оно казалось совсем пустынным, потому что все пациенты еще были в постелях. Но пока мы там были, прозвенел звонок, и все постепенно стали выходить на прогулку.

Нам сказали, что по всему побережью сотни таких санаториев, и, проезжая по побережью, мы видели на холмистых склонах многие из них.

* * *

Утром шел сильный, но теплый и мягкий дождь. Повернувшись на другой бок, мы заснули опять. Около десяти проглянуло солнце, и за нами пришли — пора ехать на государственную чайную плантацию.

Мы поехали вдоль побережья, потом вверх через расселину к зеленой горе в дальнюю долину, где на милю тянулись темно-зеленые чайные кусты и то здесь, то там виднелись шапки апельсиновых деревьев. Это было очень приятное место и первая государственная ферма, на которой мы побывали.

И опять мы не можем обобщать, мы рассказываем лишь то, что увидели и что слышали. Государственная ферма управлялась как американская корпорация. Есть свой управляющий, совет директоров и служащие. Рабочие живут в новых, чистых и приятных жилых домах. У каждой семьи своя квартира, а работающие женщины могут устроить детей в детские ясли. У них такой же статус, как и у людей, работающих на фабриках.

Это была очень большая плантация с собственными школами и собственными оркестрами. Управляющий был деловым человеком, который запросто мог бы руководить филиалом американской компании. Это очень отличалось от колхозов, поскольку в последних каждый фермер имеет долю с дохода всего коллектива. Здесь же было просто предприятие по выращиванию чая.

Мужчины обрабатывали землю. А чай собирали в основном женщины, потому что их пальцы тоньше. Женщины двигались длинными рядами вдоль борозд; работая, они пели, перекликались и выглядели очень красочно. Капа много раз их фотографировал. Здесь, как и везде, было много наград за сноровку. Среди работниц была девушка, которая получила медаль как победительница в соревновании по сбору чая, и ее руки летали над чайными кустами с молниеносной быстротой, она собирала свежие зеленые листочки и складывала их в корзину. Темная зелень чайных кустов и цветные женские одежды представляли собой очень красивую картину на склоне холма. У подножия холма стоял грузовик, в который принимали свежесобранный чай и отвозили на фабрику.

* * *

Мы остановились у маленьких детских яслей, где пятьдесят или шестьдесят малышей танцевали на зеленой траве — дети женщин, которые работали на чайных полях. Капа нашел красивую маленькую девочку с длинными кудрями и огромными глазами и захотел сфотографировать ее, но она растерялась, заплакала, и утешить ее было невозможно. Он сфотографировал маленького мальчика, который тоже расплакался. Капа — друг детей. Воспитательница сказала, что девочку трудно успокоить, потому что она не грузинка, а украинка, сирота, которую удочерила грузинская семья, и она вела себя так странно, потому что еще ничего не понимала по-грузински. Немало грузинских семей усыновили детей из разрушенных районов, поскольку этот богатый край не затронули бои и люди чувствовали свой долг перед другими. Мы то и дело останавливались, заходили в маленькие домики. Вокруг каждого домика — сады и огороды. Нас угощали орехами, или домашним сыром, или свежим черным хлебом, грушей, сорванной прямо с дерева у дома, или гроздьем винограда. Казалось, что мы едим постоянно, но отказаться не могли. Мы также попробовали грузинскую водку, которую никому не рекомендуем, потому что она взрывоопасна. Это настоящий реактивный напиток, и наши желудки просто были не в состоянии его принимать. На самом деле это совсем не водка, а дистиллированное вино или, как мы обычно его называли, граппа. Для нас оно было слишком крепким.

* * *

Грузия — это волшебное место, и в тот момент, когда мы покинули его, оно стало похожим на сон. И люди здесь волшебные. На самом деле, это одно из богатейших и красивейших мест на земле, и эти люди его достойны. Теперь мы прекрасно поняли, почему русские повторяли:

— Пока вы не видели Грузию, вы не видели ничего.

V. Москва

* * *

Москва пребывала в состоянии лихорадочной деятельности*. Многочисленные бригады развешивали на зданиях гигантские плакаты и портреты национальных героев. По мостам протянули гирлянды электрических лампочек. Кремлевские стены, башни и даже зубцы стен тоже были украшены лампочками. Каждое общественное здание подсвечивалось прожекторами. На площадях были сооружены танцевальные площадки, а кое-где стояли маленькие киоски, похожие на сказочные русские домики, в которых собирались продавать сладости, мороженое и сувениры. К этому событию выпустили маленький значок на колодке, и все носили его.

Почти ежечасно прибывали делегации из разных стран. Автобусы и поезда были перегружены народом. Дороги были заполнены ехавшими в город людьми, которые везли не только вещи, но и еду на несколько дней. Они так часто голодали, что старались не рисковать, когда куда-нибудь ехали, и каждый вез несколько буханок хлеба. Кумач, флаги и бумажные цветы украшали каждое здание. На здании каждого наркомата висели свои панно. Управление метрополитена выставило огромную карту Московского метро, а внизу маленький метропоезд ездил взад-вперед. Это собирало толпы, и люди допоздна глазели на него. В город въезжали вагоны и грузовики, нагруженные продовольствием, капустой, дынями, помидорами, огурцами — подарками колхозов городу на восьмисотлетие.

На каждом прохожем была какая-нибудь медаль, лента или орден, напоминающие о войне.

---

* Автор имеет в виду дни накануне празднования 800-летия Москвы.

Нам показалось, что даже за те два месяца, что мы здесь были, люди стали лучше одеваться, а московские газеты объявили понижение цен на хлеб, овощи, картофель и некоторые ткани. В магазинах все время было столпотворение, покупали почти все, что предлагалось. Русская экономика, которая почти полностью производила военную продукцию, теперь постепенно переходила на мирную, и народ, который был лишен потребительских товаров – как необходимых, так и предметов роскоши, – теперь стоял за ними в магазинах. Когда завозили мороженое, выстраивалась очередь на много кварталов. Продавца мороженого моментально окружали, и его товар распродавался так быстро, что он не успевал брать деньги. Русские любят мороженое, и его всегда недостает.

* * *

Ужин, на который нас пригласили московские писатели, проходил в грузинском ресторане. Там было около тридцати писателей и официальных лиц Союза, и среди них – Симонов и Илья Эренбург.

Речи за этим застольем были длинными и сложными. Большинство приглашенных знали помимо русского другие языки – английский, французский или немецкий. Они выразили надежду, что нам понравилась поездка по их стране. Они надеялись также, что мы собрали необходимую информацию, за которой приехали. Они снова и снова пили за наше здоровье. Мы ответили, что приехали не инспектировать политическую систему, а посмотреть на простых русских людей и что мы их видели и надеемся, что сможем объективно сказать правду обо всем. Эренбург встал и сказал, что, если нам удастся это сделать, они будут просто в восторге. Человек, который сидел с края стола, встал потом и заявил, что существует несколько видов правды и что мы должны предложить такую правду, которая способствовала бы развитию добрых отношений между русским и американским народами.

Тут и началась битва. Вскочил Эренбург и произнес яростную речь. Он заявил, что указывать писателю, что писать, – оскорбление. Он сказал, что если у писателя репутация правдивого человека, то он не нуждается ни в каких советах. Он погрозил своему коллеге и обратил внимание на его плохие манеры. Эренбурга мгновенно поддержал Симонов и выступил против первого оратора, который пытался хоть как-то отбиться. Нам всегда внушали, что линия настолько непоколебима, что среди писателей не может быть никаких расхождений. Атмосфера этого ужина показала нам, что это совсем не так.

* * *

Ну вот и все. Мы увидели, как и предполагали, что русские люди – тоже люди и, как и все остальные, они очень хорошие. Те, с кем мы встречались, ненавидят войну, они стремятся к тому, чего хотят все люди, – жить хорошо, с большими удобствами, в безопасности и мире.

Мы знаем, что этот дневник не удовлетворит ни фанатично настроенных левых, ни не принадлежащих ни к какому классу правых. Первые скажут, что он антирусский, вторые – что он прорусский. Конечно, эти записи несколько поверхностны, а как же иначе? Мы не делаем никаких выводов, кроме того, что русские люди такие же, как и все другие люди на земле. Безусловно, найдутся среди них плохие, но хороших намного больше.